

Вопреки амплуа

Совсем недавно солист Новосибирского театра оперетты Станислав Савич стал заслуженным артистом РСФСР. Это «официальное» признание его таланта и заслуг с радостью восприняли не только коллеги, но и многочисленные любители жизнерадостного искусства оперетты.

Десять лет, чуть не с основания театра, выступает на его сцене выпускник Московского государственного института театрального искусства Станислав Савич. Здесь он познал радости и невзгоды своей профессии. Здесь стал ведущим актером. Зачастую в одном спектакле Савич играет несколько ролей, резко противоположных по характеру. Разностороннее его дарование общепризнано.

Существует старое театральное определение: амплуа актера. В правильно сформированной труппе когда-то обязательно фигурировали герои — любовники, простак, комики. В оперетте культ амплуа был особенно нагляден. Но вот пришли на сцену новые, советские музыкальные комедии. Появились новые талантливые актеры, хорошо подготовленные, с глубокими знаниями, широким диапазоном. В их сценической практике понятие амплуа утратило свое принципиальное зна-

чение. В такого многопланового актера, художника больших возможностей вырос на наших глазах Станислав Савич. Шесть ролей сыграл он в музыкальной комедии «На рассвете», четыре — в «Свадьбе в Малиновке» и «Летучей мыши». Сегодня он великосветский жуир, завтра — буффонадный комик.

Театральные герои Савича, если бы их собрать воедино, явили бы собой галерею «разноплеменных» лиц, людей с самыми разными, подчас невообразимыми характерами. Но есть нечто общее в этой пестрой толпе, идущее от личности исполнителя. В каждом из образов, созданных актером, обязательны радость бытия, неуемная жизненная сила. Его герои всегда полны оптимизма в какие бы сложные передраги ни вовлекала их судьба.

Оставаясь реалистом, считая главной своей задачей раскрытие характеров, Савич вместе с тем мастер острой, театральной формы. Он любит гротеск, преувеличение. К. С. Станиславский говорил когда-то: «Настоящий гротеск — это внешнее наиболее яркое оправдание огромного, всеисчерпывающего до преувеличенности внутреннего содержания. Надо не только почувствовать и пережить человеческие страсти во всех их составных элементах, надо еще стусить их и сделать выяв-

ление их наиболее наглядным, неотразимым по выразительности, дерзким и смелым, граничащим с шаржем. Гротеск не может быть непонятен, с вопросительным знаком. Гротеск до наглости определен и ясен...». Савич неоднократно играл людей, искверканных социальными условиями жизни, издерганных, со странной психологией. Рождались близкие к шаржу, к карикатуре фигуры. Попандопуло Савича («Свадьба в Малиновке») — это почти клоунада. Здесь во всем гротесковская подчеркнутость, эксцентрика — в походе, жестках, манере речи. Психологически все оправдано. Сегодня для нас Попандопуло, адъютант новоявленного атамана, каких немало было в годы гражданской войны на Украине, — попросту клоун, всесветный холуй, шут в шайке мерзавцев. Все детали образа рисуются актером жирными мазками, без полутонов. Его герой совершенно конкретен и ясен. Зрители испытывают двойное удовольствие — от процесса творчества художника и от его результата. Ибо при изобилии внешних приемов сохраняется главное: Попандопуло — живой человек. Кажется, добавь Савич еще чуть-чуть своего темперамента (а его в нем предостаточно), и от жизненной правды ничего не останется. К достоинству актера, в этом «чуть-чуть» он пунк-

туален. Недавно мы видели Савича в концерте, где он играл сцену из «Сорочинской ярмарки». И здесь отсутствовали чисто бытовые детали. Был шарж — веселый, ироничный, острый. Но был и живой характер гоголевского Афанасия Ивановича. «Чуть-чуть» снова соблюдалось неукусительно.

Савич не торопится разоблачать своих «отрицательных» героев. Он доверяет зрителям. Актер стремится вывести на сцену человеческую биографию, прошлое персонажа, предоставляя залу возможность делать собственные выводы.

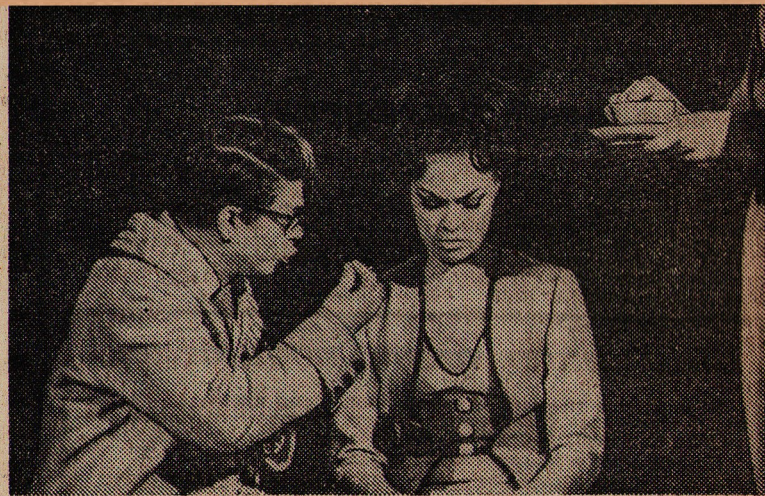
Вот Цыня («Рябина красная»). Трагедия этого человека произошла за рамками пьесы. Перед нами законченный рецидивист, атаман банды, «деклассированный элемент». Беспринципный, уверенный в себе наглец, он убежден, что в этом мире все можно купить, а если не купить, то отнять, копь у тебя сила. Но жизнь сталкивает Цыню с людьми, способными на подвиг, на самопожертвование, и он проникается к ним уважением. Лицемера и паясничая, Цыня непрямо движется к своему главному поступку.

Савич не делает Цыню таким обаятельным босяком. От эпизода к эпизоду зрители уваливают перемены в мировоззрении Цыни, и потому закономерен фи-

нал, в котором он спасает подпольщиков.

Умение найти точные детали не приходит само по себе. Это всегда плоды поисков. Здесь недостаточно увлеченности, темперамента, даже дарования. Нужна еще техника актерского ремесла. Десятилетний опыт актера — плюс. Сотня ролей — богатство. Но есть оборотная сторона медали: какая уйма приемов уже использована! Между тем чувство ответственности обязывает не повторяться. Опаснее штампа в жизни артиста нет ничего. А Савичу не всегда удается избежать такой опасности. Вот откуда необходимость, чем дальше, все больше обогащать свой арсенал, наблюдать жизнь, возбуждать фантазию.

Он очень музыкален. Вокальные эпизоды «возникают» у него удивительно естественно. Его герои начинают петь не просто по сигналу дирижера, а потому, что их состояние «требует песни». Такая «органика» дается далеко не всем. Наверное, и к Савичу она пришла вместе с опытом. Он необыкновенно пластичен. Хорошо движется. Легко танцует. Вместе с тем Савич умеет думать на сцене. Энергия, подвижность вовсе не противоречат этому его качеству. Он не боится пауз — они у него, как пра-

вило, наполненные. Здесь, в частности, одна из причин удачи в работе над образом ученого-лингвиста мистера Хиггинса из оперетты «Моя прекрасная леди» на сюжет пьесы Б. Шоу «Пигмалион». Экспансивный, эгоистичный, порой бестактный, Хиггинс Савича при всем том — интеллигент, мыслящий человек.

Присмотритесь, как умеет молчать, наблюдая за происходящим, тот же Цыня. Вспомните, каким умным и коварным был «святой» Агафон («Сто чертей и одна девушка» Хренникова).

Оперетта — один из самых условных жанров театрального искусства. Здесь многое надо принимать на веру. Ситуации часто наивны, коллизии кочуют из одной пьесы в другую (особенно в классическом репертуаре). В самые напряженные моменты герои смеяют обычную речь на пение, да еще и танцуют при

этом. Разумеется, зритель заведомо готов принять эти особенности жанра. И все же существует обязательное условие: во всех случаях артист оперетты должен быть искренним, должен верить в правду происходящего. В репертуаре Савича есть такие сугубо «условные» персонажи, как Козел, Баба-Яга, Паук, Ангел «Д...». Но играет он эти роли с такой увлеченностью, с такой отдачей, что заражает своей верой и зрительный зал.

Актерское обаяние — счастливым дар природы. Савич обладает этим солнечным свойством. Ему он в немалой степени обязан тем, что стал любимцем публики.

Таков Станислав Савич, один из самых молодых в нашем городе заслуженных артистов республики.

Д. НИКИН.

* * *

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Моя прекрасная леди». Фото В. Доможирова.

ДАНИЛА СЕРГЕЕВИЧ
 КОСОПОВ
 24 ЯНВ 1971

239